

Лу Це за годы в Великой Чжоу сначала следовал за Чжоу Таньинем, и учтивости говорить научился легко, можно сказать, с лёгкостью. А когда Чжоу Таньинь перестал в нём нуждаться, тот погрузился в объятия нежных красавиц, девушки в заведении любили его внешность, любили и его красноречивый рот.

Когда он говорил, его влажные губы слегка приоткрывались, голос был немного низким. Он мастерски умел подбирать интересные истории, от слухов о чиновниках до происшествий среди простолюдинов, всё живо описывал, порой фраз постоянно веселя Лу Юя.

Фу Чэнцы изначально хотел провести с Лу Юем побольше времени, но кто бы знал, что на полпути появится Лу Це. Лу Юй пошёл на уступки своему младшему брату, и Фу Чэнцы естественно отстал от них двоих.

Фу Чэнцы фыркнул, глядя на эту радостную, сияющую улыбками физиономию, которая совсем не походила на человека, долго страдавшего от засухи и наконец встретившего долгожданный дождь, или вернувшегося на родину после долгой разлуки. Его взгляд похолодел и без всяких прикрас упал на худую спину Лу Це.

По шее Лу Це пробежала холодная дрожь, спина непроизвольно выпрямилась. В рассказываемых им историях не было ни одной, которую он пережил лично или видел-слышал сам. Тогда, только оправившись после тяжёлой болезни, люди из Управы Цяньцзи следили за ним очень плотно, выйдешь из усадьбы — и, наверное, половина прохожих вокруг были из Управы Цяньцзи.

Ему не нравилось сидеть в холодном, безлюдном особняке, где с каждым вдохом вдыхался густой запах лекарств.

Он начал ходить в чайные слушать сказителей, потом в цветочные дома слушать песни.

В цветочных домах посетителей много, и языки у них беззубые, всякие неприкрытые слова долетают до ушей тамошних сестричек.

Иногда, когда у него был нездоровый цвет лица, измученный лекарствами и лишившийся части душевных сил, он любил приходить в цветочные дома убивать время. Один скажет, другой подхватит, льются реки красноречия, и в итоге истории получаются яркими и живыми.

Лу Юй проводил их двоих до ворот дворца и только после того, как пропустил их наружу с помощью дворцовой таблички, закончил проводы. Фу Чэнцы, видя, что тот прошёл с ними такой путь и лицо его стало немного бледным, плюс к тому, что в последние дни дела, связанные с визитом посольства Великой Чжоу, в основном лежали на нём, за несколько дней он толком не отдышал, невольно почувствовал жалость.

Когда Лу Юй ушёл, Фу Чэнцы тоже убрал с лица теплоту, развернулся и ушёл.

Запястье вдруг сжалось, он опустил взгляд — оказалось, Лу Це одной рукой его остановил. Фу Чэнцы понизил голос и сквозь зубы процедил:

— Дело есть?

Лу Це не ослаблял хватку, улыбнулся:

— Я ведь проделал долгий путь, только что на дворцовом пиру пил одно вино, угостить меня обедом не слишком много, правда?

Фу Чэнцы нахмурился, не понимая, в какую теперь игру тот играет. Лу Це его не обманывал, только что на пиру он действительно только пил, перед ним стоял стол яств, но он едва к ним притронулся, сейчас действительно голоден, но больше всего хотелось ещё немного побыть с человеком перед глазами.

Всё-таки он о нём много лет думал.

Лу Це, видя, что тот всё ещё не реагирует, невольно добавил отговорку о прошлых чувствах. При лунном свете его облик был особенно заманчивым.

— Если князю неудобно, ничего страшного, я тогда пойду во дворец потревожу старшего брата. В конце концов, у меня нет ни жилья, ни прислуги, я одинок и могу обосноваться где придётся.

Сказав это, он разжал руку, державшую Фу Чэнцы, в уме отсчитывая: раз, два, три.

И действительно, в следующий миг он услышал крайне лёгкий вздох, звук капитуляции:

— Пошли.

Лу Це довольный загнул уголки губ, в глазах мелькнула усмешка.

Даже лёгкое хмельное опьянение стало подспорьем.

Фу Чэнцы привёл его в довольно неприметную маленькую закусточную, но внутри оказалось неожиданно просторно. Хотя время было уже позднее, обеденный час прошёл, в заведении по-прежнему не было свободных мест, очень оживлённо.

Еле-еле освободилось одно место, на столе ещё осталась еда, оставленная предыдущими посетителями. Фу Чэнцы стоял в стороне, ожидая, когда хозяин уберёт, а Лу Це без колебаний подошёл и сел.

Довольный, что захватил свободное место.

Фу Чэнцы опешил, сказал ему:

— Ты не подождал, пока хозяин протрёт, прежде чем сесть? Предыдущие посетители только что ушли.

Лу Це замер, не сразу поняв его намёк, произнёс:

— Раз другие могли сидеть, почему я не могу?

Взгляд Фу Чэнцы упал на лицо Лу Це, подозрение в его глазах не уменьшилось ни на йоту. Он видел, что лицо собеседника было болезненно бледным, изысканные черты беспричинно обрели оттенок увядания и усталости.

Рядом какой-то посетитель, подбрасывая чарку, расплескал пару капель, они упали на одежду Лу Це, и лицо, только что озарённое мягкой улыбкой, мгновенно помрачнело.

Сердце Фу Чэнцы ёкнуло, он поспешно закрыл Лу Це обзор.

Перед глазами Лу Це возник пояс, тёмные зрачки внезапно стали глубокими и тёмными, ему показалось, что узор на поясе знаком.

Громкие разговоры вернули его к реальности. Уголки губ Лу Це задрожали, огоньки света в его глазах собрались в маленькую точку, он посмотрел на Фу Чэнцы с недоумением:

— Ты думал, что я убью его?

Фу Чэнцы не знал, как ответить на этот вопрос, он же не мог просто признать, что именно так и думал. Губы шевельнулись:

— Я...

Атмосфера на мгновение застыла.

Пока радушный голос хозяина не раздался, разбив ледяную перегородку между ними:

— Господа, приятного аппетита, осторожно, горячо.

Из-за только что произошедшего эпизода атмосфера за этим столом казалась особенно странной. Лу Це опустил голову, двумя тонкими пальцами, словно пучки зелёного лука, сжимая ложку, размешивал мягкое желе в чаше. Ресницы под светом ламп отбрасывали на лицо дугообразную тень, от воротника тянулась белая, стройная шея, соблазнительная до преступления.

Его плечи и спина были очень тонкими, руки упирались в стол, лопатки под тонкой тканью образовывали мягкий изгиб.

Чаша мягкого желе под ложкой была размешана вдребезги, потеряв форму.

Фу Чэнцы не выдержал, схватил его за руку, глаза горели, низким голосом сказал:

— Если не будешь есть, так и не ешь.

Лу Це, казалось, только сейчас очнулся, взгляд упал на содержимое чаши, и весь интерес моментально пропал. Глядя на Фу Чэнцы, на его лице не было прежней радости от удачного расчёта у дворцовых ворот, только безжизненная, как стоячая вода, безучастность.

Бросив ложку, брызги сока полетели вокруг. Лу Це тряпочкой протёр один за другим все пять пальцев.

— Не буду. Иди рассчитайся.

На дворцовом пиру не ел он, у ворот Дворца Фэнъян ждал он, у дворцовых ворот говорил, что голоден, тоже он. Только что сиял улыбкой, в следующую секунду — холоден и равнодушен.

Если бы не мешали эти особые отношения между ними, и никто не хотел разбивать этот тонкий лёд, Фу Чэнцы бы хорошенько спросил его, что всё это значит.

Но у Лу Це не было таких витиеватых мыслей. Возможно, эти два года Чжоу Танъинь слишком хорошо его содержал, так что он чуть не забыл о тяжёлых днях, пережитых по приезде в Великую Чжоу.

Только что холодный, настороженный взгляд Фу Чэнцы заставил его перехватить дыхание.

Будь то детские смутные грёзы, хрупкие, как отражение луны в воде, или безудержная страсть в Цзянбэе, или же пройденные один за другим круги ада в Великой Чжоу.

О чём бы он ни думал, что бы ни представлял, перед глазами было это чрезвычайно красивое лицо, и теперь оно вросло в плоть и кровь, отрезать его невозможно.

Один вздох, одна улыбка могли повлиять на его радость и гнев, он с ужасом осознал, что болезнь зашла слишком далеко, отпустить он уже не может.

Они вышли за ту дверь один за другим, на улицах стало немного холоднее, свет тысяч домов не мог разогнать мрак в душе.

Заметив, что человек впереди идёт очень быстро, Лу Це вынужден был ускориться:

— Рассердился?

Видя, что тот молчит, Лу Це слегка смягчил голос, с лёгкой уговорчивой ноткой:

— Деньги за заказ я тебе верну, ладно? В этот раз во дворец я не взял серебра, пойдём со мной в Приказ Хунлу.

Фу Чэнцы внезапно остановился, его высокая фигура под светом фонаря отбрасывала длинную тень, сливаясь с тенью Лу Це.

Луна висела в небе, голос был необычайно холоден:

— Великая Чжоу хочет наладить отношения с Чу. Я видел первый присланный список даров: драгоценности, редкие сокровища — твоего имени там не было.

Воздух в этот момент словно застыл.

— Почему во втором списке даров тебя добавили, подарили, как вещь? Ты этого хотел?!

Голос Фу Чэнцы был леденящим. Рука Лу Це, опущенная вдоль тела, непроизвольно сжалась, ресницы дрогнули, взгляд невольно снова скользнул к поясу Фу Чэнцы, выражение лица потемнело.

Лу Це промолчал, не ответил. Разве он мог сказать Фу Чэнцы, что возможность вернуться на родину — это милость, вымоленная им трёхдневным стоянием на коленях в резиденции Государственного наставника?

И что он получит в ответ на этот ответ? Всего лишь то, что другие решат, будто он строит из себя жалкую фигуру, выпрашивая сочувствие.

Или что он не знает своего места и сам напрашивается на страдания.

Исправлены китайские термины "хэби, суйчжу" на "драгоценности", "handsome" на "красивое". Оформлена прямая речь с использованием длинного тире, убраны кавычки. Приведено к единообразию написание терминов из глоссария.